Летом, после Казанской, когда мужики начинали косить свои выспевшие ржаные десятины, дом генерала Дмитровского оживал.

На дворе стояло вёдро. Жара несносимая пришла после двух недель затяжных дождей и теперь жгла несчастных косцов и жниц, работающих в поле. Не давали покоя слепни и прочие кровососущие бзыки, которых во время зноя прибавлялось втрое. Лошади изнемогали, коровы и быки нервно и протяжно мычали, напрасно обмахиваясь хвостами и прядая изъеденными в кровь ушами.

В усадьбе Внезапное готовились к приезду дочки генерала. В саду и палисадах выкосили чертополох и репяхи, в доме перетёрли окна и повесили новые завески, выбили и вымыли на речке старинные рытые ковры и дорожки.

Сам генерал старел и болел, давным-давно пребывая в отставке на мирном покое. Приглядывал за землёй, за работниками, иногда придумывал кое-какие себе новые заботы: строил мельницу или завозил булыжный камень для мощения новой дороги, расширял нагульные ставки для карпа и толстолобика, сажал редкие деревья. От одиночества его бросало в необыкновенную деятельность. Оттого и соседи его уважали.

Единственная его радость — дочь Харитина — приезжала либо весной, либо летом и редко осенью ненадолго. Всё-таки столица — не ближний свет, а училась она в закрытом заведении и вот-вот должна была отлично кончить его.

Генерал очень гордился дочерью. Всё плакал вечерами, рассматривая её новые, недавно присланные карточки, на которых так заметны были перемены возраста и даже ума. Не то прежде было, когда Харитина бегала босоногой посикушкой по двору и нянька-немка не могла отвлечь её от прыти к великой шкодливости, с горечью утверждаясь в том, что прилежания к учёбе не видать совсем. А вот и пожалуйста вам: Харитина Осиповна грамоты получает расписные… почётные листы с изображением царственных особ и великих деятелей российских.

Домой Харитина приехала на поезде. На станции ждала её старинная бричка с запашкой, сплетённой из кожаных ремней, похожей на капюшон католического монаха, запряжённая парой, и старик Мина, отцов кучер.

Бросив лёгкие шляпные картонки и дорожный маленький чемоданчик с жестяными уголками на дно брички, Харитина, приобняв добродушного старика Мину, лицо которого тонуло в развесистой седой бороде, принялась выслушивать новости, перебивая вопросами неспешные ответы.

— Как мои подружки, девицы Карповы?

— Колысь, весною помёрли Карповы вси.

— Как же, и молодые?

— Зараза завелась — и молодые, и старики. Потом ещё Мягкие от своей привычки двое сгинули. Марья Доброва тройню народила.

— Вот как!

— Плохое лето. Дожди не переставали. Картоха помокла, зерновые лежат.

— Плохо. И огурцов нет?

— И огурцов нет совсем. И репа гнилая, и морква. Всё гнилое, всё худое… Эх, погано, погано лето.

— А ещё что?

— Батюшка ваш новые пианины вам выписал, панечка Харитина Осиповна.

— Давно пора было!

— И у вашего дружки Стёпы голос такой стал… как у мужика, прямо дело.

Тут Харитина опустила глаза.

— Жалко. Стало быть, вырос он.

— Его женить будут.

— На ком же?

— На Маринке Самоедовой.

— Что им именно мой Стёпа взялся?

— Стёпа в возраст входит, что… А у Маринки три сестры, и ни одного работника. Примаком придёт, надел им дадут. Прокормятся. А то тяжко, тяжко нам, малоземельным-то…

Кругом расстилались спелые жёлтые нивы, красные поля проса, кукурузные, нежно-зелёные, разбелённые молочной свежестью яровые овсы. Вдали необозримые просторы окольцовывались купинами лесных деревьев, словно восстающих горами и холмами по горизонту. Поля и пастбища, луга и яры, разрытые ручьями, не давали бричке сильно разогнаться по дороге. Следом тянулась тяжёлая пахучая чёрная пыль черноземья. Остановишься — и точно вся грязь в носу будет. Не прочихаешься.

Стёпка, сын кузнеца Варфоломея Кулишкина, по малолетству был у барышни чуть не в наперсниках.

До того они дружили. Его семья соседствовала с генеральской усадьбой, притулившись до края старого сада, и Стёпка, служивший лето подпаском, занимал коров чуть поодаль от барского дома. Его пуга, похожая на слоновий хвост, оканчивалась тонкой косицей из конского волоса и делала такой оглушительный хлопок, что слышно было, кто идёт, за несколько вёрст.

Коровы сбирались в волнующееся пего-пятнистое стадо, выдувая шумно воздух, сопя и мыкая, шли смирно, прирастая с каждой улицей десятком новых своих сестриц. Все вместе, погоняемые Стёпкой, они бежком спешили по вытоптанным в солончаках стёжкам на выгон, где пастухи искали местечки под высокими ивами на берегу Сны и возле малой речки Ровца.

Тихая Сна, входя в село, немного сужалась, но всё же посредине имела остров, на который коровы брели и плыли, преодолевая нанесённую за ночь ряску, тину и венчики пилорезов, не имеющих корней, путешествующих по всему течению реки. Ровец, напротив, вился, крутился, богатый на омуты, впадал на лугу в Сну, питая её громадными рыбами и множеством раков.

Стёпка переплывал на остров, сидя на коне — огромном першероне Белоухе, легко и важно носившего его на огромной вытертой спине.

Харитина Осиповна в это лето уже на голову перегнала медленно растущего Стёпку, которому только исполнилось четырнадцать.

Однако, несмотря на свой небольшой рост, он имел крепкое здоровье и необычную для его возраста силу. Намечавшаяся мощь уже виднелась в его широко развёрнутых плечах и крепких кулаках. Стёпка от природы был рус, а на солнце выгорал до пегого, какого-то даже грязно-жёлтого цвета, не имея привычки покрывать голову от зноя.

Он был первым другом Харитины ещё с молочного детства, когда она катала его в деревянном возке по загаженному птицей двору Стёпкиного отца Варфоломея.

Генерал Дмитровский очень ценил Варфоломея, и всегда они вместе ходили качать мёд на пасеку, рассуждая про былое время и нынешнее негодное юношество, как некогда размышляли о том же бородатые античные старцы.

С детства Стёпка питал к Харитине чувство, сродное восторгу. Каждое её появление было как свежий ветер в жару. А когда она уехала учиться в Москву, Стёпка только и ждал лета, когда, бывало, приезжал он на станцию за ней и ему можно было сидеть рядом и держать её за руку по высочайшему дозволению.

И держать за руку хозяйку, и приходить с ней играть в мяч, и скакалки, и бабки, и ходить поверять сети на Сну разрешалось Стёпке самим генералом. Но в этот год всё стало иначе.

Стёпку и девицу Маринку Самоедову посватали на Рождество. Генерал, глядя, что Стёпка вошёл в возраст, даже прибавил сотенную к приданому девицы, лишь бы его оженили поскорее. Однако поскорее всё равно бы не вышло. И лето нужно было отработать на пастьбе.

Оттого, что на станцию в этот раз Стёпка не приехал, Харитина расстроилась. Даже когда показался вдали лес и наклонённые дубы стали осенять дорогу долгими свежими увейными ветвями, сразу волнуя родным запахом, она не оживилась. А у поворота на свою улицу то и дело выглядывала: не стоит ли Стёпка, как всегда, на росстани, перекинув пугу через плечо?

— Сейчас пасут на Ровце, там пастбище потучнее, трава едомая, — сказал старик Мина, оглядываясь к хозяйке. — Побледнели вы, Харитина Осиповна, в городе-то. Видно, воздухи там плохие. Оно не то что тут, тамо воздухи гнилые от болот-то. Севера, что уж…

— Да ничего, — сказала Харитина и отвернулась от росстани, на которой не было ни души. — Аль поздно едем?

— Ну, ясно — поздно. Коров уж позагоняли. Нынче Стёпка заболел, взяли в пастухи лукашовского парня.

— А что заболел? — испугалась Харитина, вытянув шею.

— Да, что ли, сожрал чего не то… Валяется третий дён… Ничего. Он парень крепкий. Поваляется и встанет.

Харитина, увидав издалека густые сосны леса, начинавшегося возле усадебного дома, и заросли отцветшей сирени, ещё тёмные, кусты цикория и буйную сныть, только тогда улыбнулась.

— Но я его потом попроведаю, дядя Миней.

— Сперва батюшку…

Генерал уже вышел к воротам, услыхав лай собак, сопровождавший бричку. Как обычно, он уже с утра на радостях принял коньяку и теперь выветривал запах хмельного, журя себя за то, что дочка снова будет недовольна. Нос генерала Дмитровского, всегда теперь красно-синий, был виден издалека. Красивая бородка его, лопаткой, с ровной полоской седины посередине, топорщилась вперёд. Ему едва перевалило за шестьдесят, но генерал считал себя глубоким стариком, как это обычно бывает у людей, много знающих и много повидавших. Он вглядывался вдаль, на дорогу, бегущую около леса и уводящую в село, где он бывал всё реже и реже.

Бричка подкатила к генералу. Харитина соскочила с подножки, поддёрнув синюю лёгкую юбку.

Отец прижал её к себе, отчего-то затрясшись и сразу же зарыдав.

— Ну пóлно, пóлно, батюшка… — стыдясь столь явных проявлений чувств, сказала Харитина, сдвинув широкие толстые брови. — Люди же глядят…

— А что мне люди?.. что мне люди?..— горячо зашептал генерал, осыпая поцелуями уши и шею Харитины, видно, не считая людьми дворовых и управляющего, мрачно зыркающего на барышню и кривившегося в неестественной улыбке.

Наконец он, забросив ей на плечо руку, словно силой повлёк дочь к родному, недавно выбеленному дому. От плюшевого, вытертого под локтями мышиного цвета халата пахло сыростью и табаком, но Харитина любила этот запах.

Ветеран русско-турецкой войны, вышедший в отставку по ранению, генерал всё никак не хотел верить, что не по своей воле оставил служение отечеству. Сейчас, когда в Европе стало тревожно и неспокойно, генерал предчувствовал самое ужасное. И он затих, ожидая великих бед и приказав наймитам своим делать запасы на случай голода.

Харитину особо не волновали вести из-за границы, хотя она и слушала сообщения о захватнических планах германцев и что они могли покуситься на Украину и Польшу. А её родина, Внезапное, совсем рядом с границей Малороссии. Однако её надвигающаяся война заботила меньше, нежели новые фасоны платьев и входившие в моду велосипедные дамские брюки, которые она себе сразу же и заказала, причём тайно от отца, как только увидала новый модный каталог на будущую весну.

Отеческий дом заблестел окошками широкой застеклённой терраски из-за пары вековых лип, посаженных ещё прадедом. Прадед рассчитывал сделать каменный дом, но после передумал и заложил каменный только фундамент, а дом поставил дубовый, с пятью печами и в двенадцать комнат, не считая мезонина и цоколя, где располагались кухня и людская со множеством кладовочек, закутов и погребков.

Даже в жару в доме было благодатно и прохладно. Маленькая спальная Харитины Осиповны располагалась в углу дома, в первом этаже, и окошки выходили в запущенный яблоневый сад, который давно одичал столетними яблонями и не вырубался только в память о прадеде.

Всё в доме напоминало Харитине покойную мать, умершую шесть лет назад от простуды. Изящное убранство дома, множество деревянных резных фигурок, шкатулок, фарфора в старинных поставцах, лёгкие люстры и искусно кованные «фряжские» канделябры на каминах. Портреты матери были развешены по всему дому, но один висел в столовой и живо напоминал Харитине картину Брюллова, где дама в голубой амазонке едва придерживает горячего коня, а из-за балясин выглядывает удивлённо-восторженная девочка с чёрными кудрями.

Зайдя в дом, Харитина сразу пошла спать, запершись от назойливости отца и старой «экономочки» Полюшки, помогающей отцу много лет вести домашнее хозяйство. Её муж, Пров Игнатьевич, чернявый гуцул, похожий на цыгана мужик, почти не досаждал генералу ведением текущих дел усадьбы и полностью управлялся со всем, порою вызывая недовольство соседей слишком вольным исполнением «барской» воли.

В последние годы генерал стал налегать на крепкие напитки, и Пров Игнатьич в душе радовался наступавшему бессилию старика.

Харитина, подремав после дороги и порывшись в сундуках, оделась в местную одежду. Бордовая льняная юбка и полотняная кохта, перехваченная на талии тонким пояском с болтающимся на нём гаманочком, красная тканая полоска — намитка на голове, из-под которой кудрявились чёрные волосы, и чоботы с узенькой подковкой составляли её наряд, так отличавшийся от наряда столичной барышни, только недавно приехавшей к родным пенатам.

Отец, давно ожидающий дочку в столовой, привстал с кресла и смахнул слезу.

— Повечерять-то… — робко сказал он.

— Молока бы выпила,— сказала Харитина, лёгким и широким шагом постукивая по старому паркету.— С варениками.

На столе давно было всё накрыто. И малина, собранная часа два назад, ещё крепенькая, крупная, и вареники с маком, облитые маслом, и сыр с мёдом, и ржаные ковриги с повидлом. Полюшка, сухопарая женщина средних лет с бледным и морщинистым не по годам лицом, принесла тёплого молока в глечике.

— Вот, Харитина Осиповна, как пожелали, как пожелали… — сказала она едва слышно.— Малинку, варенички, пышечки, кровку печёную.

— Отвыкла я от вашей еды,— ответила Харитина, вскинув бровь.— Но с батюшкой отужинаю.

Генерал улыбнулся в усы особенной улыбкой, которую никогда никому, кроме дочки, не дарил.

За ужином он вёл себя стеснённо, теребя ворот халата, который редко когда снимал в доме. Харитина искоса бросала взгляды на отца, замечая про себя, как он постарел, как обрюзг, как опухли его красные веки. Ей было жалко старика, но она не могла усидеть на месте больше получаса. Докончив вареники и запив их молоком, Харитина, улыбнувшись, извинилась.

— Батюшка, я бы искупалась…

— Баньку уже истопили тебе.

— Я бы в речке сначала.

— Дак сходи. Возьми… возьми… — и генерал задумался.— Кого ж тебе взять с собою?

— Да я одна искупаюсь.

— Одной-то не можно. Ночь скоро уже.

— До темноты ещё долго, батюшка.

Генерал пожал плечами и, откашлявшись, плеснул себе наливки в хрустальную стопку.

— Ты тогда здесь купайся, недалеко, у проезда…

— Далеко уж не пойду.

Харитина поцеловала отца и почти выбежала из столовой.

Она миновала сад за домом, заросший высоченными травами, от которых шёл крепкий, душный и пряный дух, смешанный с ароматом близкого поля и высохшего, готового к жатве ячменя. За садом начиналась дорога вдоль леса.

Широкая улица и усадьба скоро остались позади. Ветер, едва заметно перелетая, шуршал ячменём. У Харитины подол юбки намок от росы и стал тяжёл. Наконец она вышла к дороге и пошла по ней быстрым шагом, постукивая по прибитому глинистому грунту, растрескавшемуся от жары. Кузница стояла на юру, а ниже виднелись двор и изба кузнеца. Когда Харитина подошла ближе, собаки во дворе подняли отчаянный лай. Тут же вышла из калитки мать Стёпки, круглолицая, беззубая, но ещё молодая женщина с красными и рябыми щеками.

— Харитина Осиповна, матушка! А мы вечеряем! Проходьте в хату!

Харитина погладила женщину по плечу и вошла в низкую избу, крытую очеретом. Полы в избе были земляные, но укрывались все половицами.

Кузнец встал из-за стола и покланялся. Харитина кивнула головой.

— Доброго вечера в вашу хату,— сказала она.

— Присядь с нами,— сказал хозяин отрывисто, вытирая крошки с бороды концом полотенца.— Повечерь.

Кузнец напоминал Харитине какого-то древнего богатыря, такой он был огромный мужик с острым крупным носом и зачёсанными назад волосами. Стёпка сильно походил на него статью и лицом.

— Я уж навечерялась с батюшкой. Ждал он меня очень,— сказала Харитина, но ради приличия отломила кусок лепёшки и приняла от хозяйки кружку с топлёным молоком.— Что у вас тут?

— Да что у нас тут будет? Дома пониже… навоз пожиже, чем в ваших столицах. А царя-то видала, панечка?

— Нет, не видала… не пришлось… Хотя царицу видала. Так она немного подстарувата стала,— ответила Харитина, улыбнувшись на свою шутку.

— О как!— удивилась кузнечиха.— Вон на карточках красивая.

— Да там же они только венчались. Бабка!— засмеялся кузнец.— И ты у меня девкой баская была.

— Да ну тя!— крикнула кузнечиха и зарумянилась.

— Миней Петрович сказал по дороге, что дружок мой занемог,— прервала их Харитина.

Хозяйка кивнула на окно.

— Занемог чутки. Но уже ничего, живой… Очунелся,— и кузнечиха подозрительно глянула на мужа.— Ото думали, что из-за тоего проклятого сватанья.

Кузнец кашлянул в кулак.

— Ну а нам и выбирать не приходится. Надо— стало быть, надо. Им хозяин нужен, а нам внучки.

Харитина, немного посидев и допив молоко, встала, поблагодарив за предложенный ужин. Стёпка обычно в это время лета спал в клети, на сундуке, и потому она знала, куда идти его навестить.

Пристроенная к дому клеть, где сушили травы и хранили всякое сыпучее съестное, запиралась на ветхую дверь, издающую страшный скрип. Когда Харитина вошла в полумрак, Стёпка сразу шевельнулся на своём сундуке, крытом волосяным матрацем и полосатой домотканиной. Харитина приблизилась, отпихивая от ног сразу вылезших из-под кутка паршивых котят, и села на край сундука.

— Стёпушка, голубчик…— сказала она нараспев.

Он, открыв глаза, нащупал её руку и крепко сжал запястье.

— Харитина Осиповна, барышня… А я уж думал, меня холера пробрала.

Глаза Стёпкины, в больных тенях, радостно сощурились. От улыбки его и Харитине стало легче.

— Не холера же ведь… Вот и я приехала, правда, поздненько, да пока табель получила…

— Небось, лучше меня учитесь?

— А ты что? Буквы научился складывать?

— Научился вот зимой. Взял у попа акахвист какой-то неседальный и по нему бегал. Так и научился. Теперь и писать, и читать научился.

— Надо бы тебе в школу,— вздохнула Харитина.

— Да кому тогда управляться, пороться? Да и в школу: быка отдай, мёду отдай, а так учить не станут у нас.

— Купаться-то когда?— спросила Харитина тихонько.

— Послезавтрева на выгоне уже буду. Приходьте.

— Приду.

— Там заместо меня брали лукашовского парня, дак вы не ходите на луг пока одна. Он там матюги гнёт— не разогнёшь…

— Напугал ты меня уж! Ладно… пойду я. Ты поправляйся. Я завтра заеду, привезу тебе порошков.

— Не извольте беспокоиться.

— Да уж соизволю.

Харитина поцеловала Стёпку в лоб и, хитро улыбнувшись, соскочила с сундука.

— Не то твои ещё там надумают всякого…

И вправду, у дверей клети, словно бы случайно, оказалась Стёпкина мать с полным решетом смородины. Только Харитина вышла, как та поднесла ей.

— Возьмить, матушка, а то ваш батюшка жаловался, что не уродила в энтом годе у вас смородинка.

Отказываться было бы неприлично, и Харитина взяла решето, попрощалась, вышла за калитку, а потом на пустую дорогу. Следом за ней вышел кузнец.

— Не провожайте, что там… дойти-то мне,— махнула она рукой кузнецу.

— А, матушка, ежели чего, буду я стоять у вереи, ты, коли что, зови меня,— сказал кузнец.
— Не трудись, Варфоломей Трофимыч, я скоренько добегу.

И Харитина, подоткнув концы намитки под две заплетённые косы, сорвала ветку полыни от комаров и пошла в сумрак.

Кузнец, ещё недолго постояв, дождался, когда она дойдёт до края леса и выйдет на ополье. К нему вышла супруга.
— Ну, перестанет она смущать нашего Стёпушку, курва такая? — спросила она словно сама у себя, утирая лоб передником.
— Да какая она курва?..— оглянулся на избу кузнец.— Барышня, и только того… барышня играется, а он в ум взял себе, что она его за что-то жалеет.
— Провалилась бы она… шоб гриц её взяв,— плюнула кузнечиха, сдвинув брови.
— Да гляди… можа, что и выйдет с того…— вздохнул кузнец.— Пошли, мать. Она уж далеко упорола.

На селе, растянувшемся вдоль реки, не слышалось ни звука, кроме дальнего лая собак. Сверчки перекрикивались в сухой, словно порох, траве. На смену дождям пришёл нестерпимый июльский зной, вынимающий зерно из колоса. Гудели комары, а Харитина ела смородину по ягодке и радостно вдыхала родные запахи. Только она подошла к полю, на дороге послышался далёкий топот лошадиных копыт. Глухих, неподкованных.

«Послали за мною…— подумала Харитина.— Не пойду подол мочить через сад». И она решила не ходить напрямки, а обойти сад вокруг и выйти к усадьбе через улицу.

Рваные облачка пропускали через своё волокно слабо мигающие звёзды, начинающие обсыпать небо. Ночь вызревала где-то позади, на востоке, а на западе ещё свинцовой сутеменью отливал горизонт.

Конский топот приблизился, и впотьмах Харитина едва распознала усадебного работного коня Белоуха, на котором Стёпка пас коров. Да только сидел на нём босой и незнакомый парень, белокожий и темноволосый, с голой грудью и заправленной за широкий кушак пугой.
— Барышня Харитина Осиповна? — спросил он.— Али ще девка какая?
— Барышня, барышня… Кто прислал тебя?

Харитина остановилась, упёрла кулак в бок и вскинула лицо на седока.
— Ты зачем этого коня-то взял? Он весь день работал.
— И я весь день работал. А тут Пров Игнатьич послал меня вас встренуть. И я Белоуха-то искупал и вот до вас доскочил.

Харитина потрепала уши узнавшего и фыркавшего ей в грудь коня, опустившего гривку.
— Вишь, узнал он меня! И что, едь теперь рядом. Сопровождай меня до дому.

Харитина пошла рядом с конём по дороге.

Всадник спешился и, подойдя к ней, протянул ей руку.
— Не побрезгуйте, барышня, седай верхом.
— Я без седла не буду седать,— сказала она, резко остановившись.— Свалюсь и убьюсь. А у меня, вишь, полное решето смородины.

И засмеялась тихим смехом.

Парень оказался очень пригож на лицо, а глаза его сверкнули, что те звёзды.
— Барышня ножку ушибёт по дороге.
— Не ушибёт. Я эту дорогу с детства пробегала.
— Дак я вас придержу,— не отставал парень.
— Да за что ты меня придержишь? — она махнула рукой.— Пойду уж.

Парень вздохнул.
— Ну, как ваша воля,— и взвился на коня, придерживая его от рыси.

Так дошли они до ворот усадьбы, где на широкой лавке, вкопанной в землю под жасминовыми кустами, сидели генерал и Пров Игнатьич с Полюшкой.
— Мы уж заждались тебя! — вскричал генерал, отводя трубку ото рта.— Ты никак в Лукаши ходила?
— Нет. Попроведать Степана Варфоломеича.

Генерал уже откушал наливки на радостях, что Харитина явилась, и видно было, что откушал ещё и хлебной слезы.
— Негоже девице молодой по ночи валандать. Или у вас там, в столице, так и делают? — спросил он, прихватывая Харитину за талию.

Сопровождающий её парень слез с Белоуха, поклонился и, что-то шепнув Прову Игнатьичу, удалился в темноту, попрощавшись с женщинами.
— А спать пойдём? — спросил генерал, усаживая дочку на лавку и пыхая ей в волосы трубкой.
— Да что там спать, коли я выспалась, так пойдёмте в шахматы задуем,— зевнула Харитина.— Только Полюшка мне кофею сварит.
— Ого! — обрадовался генерал.— Моя дочь. Видали? Вот! Кавалерист-девица.

Пров Игнатьич запер калитку, шикнул на собаку во дворе и шепнул Полюшке:
— Коньяку ей в кофей подлей.

К утру полил дождь. Ячмень, ржавый и тяжёлый, опустил усатые главки к сытой чёрной земле. Жнива сохла.

Харитина, привыкнув просыпаться в гимназию рано, вышла по росе на улицу. Шёл пятый час, и уже с конца села занимали коров. Вот-вот они покажутся справа. Старухи-коровы с полузганными рогами впереди, тёлки и молодь позади, а за ними — пастухи с бичами.

Не раз ловила себя Харитина в городе на том, что не хватает ей этой сельской музыки. Прогнали девки, кланяясь, стада гусей на реку. За ними

показалось на дороге стадо коровье, погоняемое пастухом.

Над головами коров возвышалась голова Белоуха. А на нём верхом, без седла, сидел всё тот же лукашовский вчерашний пастух.

Поравнявшись с Харитиной, он отвесил ей поклон и, улыбнувшись, показал белые свои зубы, яркие, как снег:

— Доброго здравия, барышня!

Харитина, смутившись, сильнее запахнулась в шаль и потупилась.

— А Стёпа ще не пасёт?

— Ще нет. Пробрала его холера.

— Да он дома ли? Может, за доктором?

— Отлежится. Дома остался.

— А ты, коли поедешь мимо, передай ему лекарство и накажи, что я написала, как принимать.

И Харитина подала пастуху полотняную сумочку со склянками и хинином.

— Не в трудность тебе станет?

— Я для барышни постараюсь.

Парень подхватил концом пуги сумочку и вдарил голыми пятками по белым бокам коня, нагоняя стадо.

— Чёрт лукашовский.— вздохнула Харитина.— Что ж ты такой пригожий?..

Пару дней страшная жара продержала Харитину взаперти. Она помогала отцу разобраться с бумагами.

— Ты у меня грамотная дивчина…— вздыхал генерал, жмурясь.— Всё разберёшь, что я не постигаю своим старым умом.

— Да что вы, батюшка…— отвечала Харитина, чихая от книжной пыли.— Вздор настоящий говорите.

Стёпкина мать принесла полный подол вишни, и Харитина от нечего делать села выколупывать косточки, чтобы сварить кисель.

Только вечерами спадал зной и можно было выйти на улицу. Но и тут донимали комары, а генерал разгонял их дымом, попыхивая трубкой.

— Ан в столице нет таких комарочков? Хоть и кусачие, а родные?— улыбался генерал и сжимал дочкину руку, словно не хотел её от себя отпускать.

Обычно они ужинали под сиренью во дворе, где лёгкая прохлада тянула рекой и славно обвевало свежестью, ползущей из дальнего лога. Ели из расписных турецких пиалок ревеневый кисель длинными серебряными ложечками.

Через три-четыре дня после приезда в родное гнездо Харитина уже захотела обратно. Право, с отцом мало о чём было поговорить, разве о хозяйстве, о пасеке, о лесных дачах выше по течению, откуда сплавляли лес в город.

Харитину по молодости лет не интересовали эти вопросы, и было скучно до того, что она позёвывала в кулачок и уходила, сославшись на то, что её разморил свежий воздух.

Наконец Степан выздоровел и снова вышел в поле. За время болезни он немного исхудал и, казалось, вытянулся. С утра, по туману, выгнал своего молодого жеребчика из сарая и, прежде чем первая хозяйка проводила за ворота корову, уже проехался мимо кованого забора усадьбы Осипа Марковича. Жеребчик, застоявшийся в сарае, весело кивал утреннему солнцу, только-только показавшемуся за грядой холмов на другой стороне Сны.

— Геть, геть…— сказал Стёпка и толканул пятками в бока каурого жеребчика.

Сегодня уже и Харитина знала, что Стёпка вышел на пастьбу. Она разнежилась и теперь просыпалась поздно, никак не заставала прогона стада мимо усадьбы, потому надеялась, что съездит на Ровец, на пастбище, где весь луг, покрытый солончаковыми бугорками, был вытоптан тропками и канавками лошадиных, овечьих и коровьих ног.

В перемётной суме у Стёпки лежали кусок ржаного хлеба, пять печёных яиц и две головки лука. Ключ с чистой водой бил из-под корня кривой ветлы, единственного большого дерева на берегу Ровца. Там можно было напиться в жару. Сегодня Стёпка стащил из дома ещё солёной гусятины: вдруг Харитина Осиповна придёт? Она страсть как любит гусятину.

Заняв коров от всех пяти концов села, Стёпка и лукашовский пастух Яша, который был гораздо старше и выше ростом, разделились и погнали стадо на пастбище.

Роса ещё серебрила травы, высохшие от вёдра. От этого казалось, что золото сверху присыпано росной пыльцою, а роса медленно испарялась и выдыхала саму себя в небо. Клочки тумана ползли друг к другу, соединяясь в вертикальные облака, и было видно, как дышит живая земля.

Мимо проходили косцы, молодые девки-жницы, проезжали телеги с вилами и граблями. Что там говорить — день сейчас год кормит, пока вёдро. Пока не пошли дожди, надо поспеть управиться с тяжкой рожью, с капризной пшеницей, с налитым ячменём.

Выгнав стадо на пастбище, Стёпка достал из сумы кусок хлеба и жадно куснул, чуя, что от голода начало уже подводить живот. Подъехал и Яша.

Яша был неплохой парень, весёлый, горевой, но больно брехливый, как думал Стёпка. В отличие от Стёпки, он происходил из непростой семьи. Его мать служила учительницей в городе и оттуда сбежала, нагуляв Яшу от своего хозяина.

Тут, в селе, откуда учительница была родом, её сразу же выдали замуж за старого купца третьей гильдии, Тимофея Варнавина, так как она обладала необыкновенной красотой. Мать Яши успела

родить ему ещё пятерых ребят, перед тем как купец, лет пять назад, умер от удара. Теперь вдова его держала маленький лабаз, торгуя бакалеей на краю базарной площади. Яша, считая себя старшим, помогал матери чем мог, а летом решил пойти внаймы и брался за любую работу.

Страсти к учению у Яши не было. Вообще он отличался вспыльчивостью и буйным нравом, отчего матушка его плакала, ругалась на него — правда, вяло и недолго. Видно, вспоминала своего городского хозяина.

Кем же на самом деле был тот хозяин и с кем состоял в родове, так никто и не узнал. А звали Яшу по-местному — Нинич, от имени его матушки, и не очень уважали.

Слишком сильно Яша отличался от других парней. И на лицо, и внутри. Надменность его не знала границ. Своеволие доводило до частых ссор. Мать обучила его с горем пополам арифметике и грамматике, но другие науки не пошли, и Яша бросил школу на третьем году.

Дьячок, что учил детей при приходе, журил матушку Яши, что та не может надавить на сына и заставить его учиться. Возможности его огромны, а ум скор. Мать только руками разводила. Яше по нраву только шалости да драки. Шкода он.

Стёпка не очень любил, когда его ставили пасти в пару с Яшей. Лучше с дедом Архипом Никандрычем. Тот хоть рассказывал сказки про старое время, про турку, про Крым, про крепость Баязет, где сидел в осаде и откуда чудом вышел живым.

Яша всё больше врал, у которой девки чего урвал. Стёпка потуплялся, стыдился и краснел. Сегодня деваться было некуда: вместе пасти им.

— Ну, белобрысая солома? Чего нуришься? — окликнул Яша, обогнув стадо на Белоухе. — Хороший у тебя конёк.

Стёпка сполз с жеребчика.

— Завтрева отдашь мне его. Он ко мне привык.

Яша вскинул русую голову, тряхнув непригла-женными красивыми кольцами волос.

— Ого! Отдашь! Пса тебе под хвост! Малолеток.

Подъехав ближе, Яша взвил Белоуха на дыбки и так, на дыбках, заставил его пройтись сажень десять. И хоть Белоух был сам себе на уме и борзый, но Яша так его водил, что ничего не оставалось, как покориться.

— Видал, что я его научил? Я научил.

И Яша, соскочив с Белоуха, отвёл его в сторону, сбатовал ему высокие ноги и пустил пастись.

Стёпка тоже пустил жеребчика пастись поодаль, привязав его за железный прут, вбитый в землю.

Стёпка и Яша легли на ещё влажную траву под ивой, откуда можно было обозревать коров, пятнистыми камушками видневшихся издалека на лоне пастбища. Как на ладони лежали сверкающий синей водой Ровец, и кольцо холмов, опоясывающих дальний край равнины, и далёкий-далёкий город в тридцати верстах, посверкивающий крестами соборных колоколен.

— В вёдро хорошо видать отсюда, — вздохнул Яша, доставая из кармана портов замашный кисет с табаком. — Курнёшь самосаду?

— Кто курит, Бога из себя турит, — буркнул Стёпка.

— Да ты, что ли, богоносец у нас? — хихикнул Яша, сощурив узкие зелёные глаза.

Стёпка отвернулся и, порывшись в суме, достал сетку от кимли, бечёвку и нож.

Яша замолк. Какое-то время он обозревал пастбище, потом что-то гудел про то, что местные сельские девки все чупахи и дуры, а лукашовские да ишимовские — все со своими нахабами да гонорами. И наконец, положив голову на согнутый локоть, задремал.

— Шоб тебя гриц взял, — чуть слышно сказал Стёпка. — Шоб тебя шлях трахив.

Яша дрогнул и, окончательно разморившись, заснул.

Ещё пару часов Стёпка наблюдал за коровами, шил сетку и вспоминал слоги, которые палочкой рисовал на штанине. Когда солнце поднялось в зенит, Стёпка стащил рубаху и пошёл с пугой повернуть коров от ишимовских прирезков.

Ходил он с полчаса, а когда вернулся, чуть не обмер.

На месте топтался белый конь Ледок, хорошо ему знакомый, конь Харитины Осиповны. А на коне — она. Она сама, в красной намитке, в полосатой цуканской юпке и вышитых черевичках.

Широкие рукава её кохты раздуваются от ветерка, и смеётся Харитина, болтая с Яшей, который сидит внизу и бает ей что-то весёлое!

Стёпка подошёл, хлыснув пугой. Харитина развернула Ледка к нему мордой, конь заржал и вскинулся.

— Стёпушка! Никак в город бегал! — задорно крикнула Харитина, и лицо её процвело возбуждённым румянцем. — Я заждалась тебя!

Стёпка, тая́ улыбку, помог Харитине слезть с коня и, подстелив свою рубаху, указал на неё.

— Не жарко вам по такой жарени? — спросил Стёпка, увидав обидно, что Харитина садится на рубаху Яши, давно постеленную меж корней ивы.

— По холодку, по тенёчку не жарко. Да я уже и искупалась в кущерях.

Харитина кивнула в сторону Сны.

— Вода — как парное молоко.

Стёпка ринулся за сумкой — искать угощение, но, кроме лука и хлеба, не нашёл ничего. Он пристально взглянул на Яшу, который гонял в зубах длинную гусиную косточку.

— Да я отдохну — и к батюшке. Чего у вас тут сидеть? Я тебя, Стёпа, проведать приехала, как ты.

— Добро. Добро, Харитина Осиповна, — заворчал Стёпка, глядя на отвернувшегося в сторону коров

Яшу.— Только угостить вас нечем. Вот разве хлебом, пробачьте меня.
— Поем я и хлеба,— оживилась ещё больше Харитина.— Коли больше нечего.

Стёпка вздрогнул и вытащил ржаной ломоть из сумы.
— Чего ж ты так хозяйку привечаешь?— вздохнул Яша.— Ничего не взял с собою, только хвалился, что-де угощу да угощу.

Стёпка закипел, но сдержался. Нарыв в суме черпак, он сбегал до ключа и принёс воды для Харитины.

Та смеялась как оглашенная на какие-то шутки Яши, неумные, но настолько уморительные, что даже сам Стёпка едва сдерживал смех.
— А чего у тебя коровы на залив подались?— вдруг крикнул Яша и вскочил.

Стёпка тоже вскочил, вдруг обнаружив, что коровы тишком-тишком, а идут себе на прирезки лукашовского помещика Сниткина.
— Ну, Харитина Осиповна,— досадливо вздохнул Яша и поправил плечами расшитую жилетку, наброшенную на голое тело,— ещё повидаемся.

Харитина уже больше не смотрела на Стёпку, спешно освобождающего коней от пут, а смотрела только на быстрого и отчаянного Яшу, прыгнувшего на Белоуха.

В голове Харитины всё смешалось. Её кинуло в пот, и она, резко поднявшись, оперлась на иву.

Стёпка и Яша умчались заворачивать коров.

Харитина отвязала коня, дала ему корку хлеба, которую он мягко сшамкал пушистыми губами, и направилась к реке, чтобы снова искупаться и смыть с себя жар, необычный и внезапный, которого ещё раньше не знала.

На другой день генерал обрадовал дочь за завтраком, что скоро ожидаются гости.
— И кто же приедет?— спросила Харитина, ловко расправляясь с синей лапой рябчика.— Думаете, батюшка, они меня после столицы развлекут?

Генерал, налив себе оранжевой рябиновой настойки, хмыкнул, поправил усы и опрокинул рюмку в рот.
— М-м-м… приедет князь Валерий Николаевич и сынок его, Павел.
— Этот, что рисует, да?— полуравнодушно спросила Харитина.— Он в кадетском корпусе учится.
— Да, да…— оживился генерал.— Он славный малый.

На том разговор и был окончен. Харитина, расстраиваясь тому, что отец с каждым разом не уменьшает порции наливок и настоек, потупившись, допивала кофий. Она хотела поговорить с Осипом Марковичем о том, что ей пора подумать о поступлении на Бестужевские курсы, ведь скоро экзамены в гимназии, и она уже определилась, куда ей пойти. Но генерал, что-то напевая себе под нос, только умилительно поглядывал на дочь. В конце концов Харитина, вспыхнув, стукнула донцем чашечки о блюдце. Генерал вздрогнул и перестал напевать.
— Что? Что случилось?— спросил он медленно, как ото сна.
— По делу приезжает князь с Павлушей? Или вы его нарочно позвали, чтобы я не скучала? Так я не скучаю. Мне довольно есть чем заняться.

Генерал смущённо забегал красными глазами.
— Н-не… м-мы… давно собирались. Собирались и решили, что раз Павлуша в отпуску да ты гуляешь, то вам будет о чём говорить…
— Смешно это всё,— бросила Харитина и, шумно поднявшись, быстро вышла из столовой.

Осип Маркович покачал головой.
— Охти, дурында ты, Осиповна…

Вечером вода на Сне стояла недвижно, как зеркальная гладь. Река отражала каждый листок склонённого над нею дерева, каждую ветлу в её истинном изображении. Облака, редкие и мягкие, окрашенные в самый нежный пурпур, туманное солнце, садившееся в марево, лодки рыбаков, заросли тростника и плывущие кошуры. Харитина любила такие редкие вечера, когда ни одно дуновение не тревожило рябью спокойных вод Сны.

Она взяла лодку у берега и нашла в лозе припрятанное весло. Столкнув лодку в воду и поддев платье, Харитина забралась на корму и медленно стала выгребать на середину Сны. Впереди, ниже по течению, Сна соединялась с Ровцом и принимала в себя во́ды ещё нескольких малых речек, расширяясь и всё больше растекаясь по долине.

Харитина, не плеща веслом, умело управлялась с лодкой, знала на реке каждый омуток, каждую затоку, каждую излучину. Но теперь её так и поворачивало к Ровцу.

Медленно двигаясь по реке, она увидала на берегу Стёпку, купающего коня, и приблизилась.

Стёпка тоже увидал её. Прыгнул с коряги рыбкой и подплыл к борту лодки, стесняясь вылезти.
— А где порточки забыл?— улыбнулась ему Харитина.

Стёпка в ответ также улыбнулся. По лицу его стекали капли с мокрых волос.
— Я вас хотел позвать, Харитина Осиповна, раков половить. Сегодня лягушек на Ровце нажарил.

Харитина поморщилась.
— Ох, нет… Я покатаюсь да домой. Жара меня умучивает.
— Ночью прохладно будет. Я уж и пакли наготовил, и сеток. Поехали за раками, а?
— Нет. Стёпушка, езжай ты сам.
— Харитина Осиповна…
— Лодку можешь мою взять. Она легче вашей. Знаешь, где привязываю?
— Знаю,— буркнул Стёпка.

— Не грусти, Стёпушка,— сказала Харитина и провела белой рукой по выжженным Стёпкиным волосам.

Тот вскинул на неё прозрачные, зелёные, как цветущая речная вода, глаза и, оторвавшись от борта, махнул в глубину.

Когда Стёпка вынырнул под берегом, Харитина уже свернула на Ровец.

На мостках шумные сельские девки и несколько баб мыли бельё и половики. Их перехохатыванье было слышно издалека. Мелькали их толстые икры из-под подоткнутых понёв, девки, завязав косы на макушке, били и тёрли вальками тяжёлые простыни и набухшие полотенца. Увидав Харитину, они все разом замерли, всматриваясь, и как одна, разглядев, поклонились. Харитина тоже кивнула им и дальше, не будя воду, проплыла в узкое русло Ровца.

Течение Сны мешалось здесь с желтоватой водой Ровца, и чётко была видна граница смешения вод. Харитина даже задумалась о том, как чудно устроена природа. Воды сталкиваются, но словно стоят на месте, не наполняя друг друга.

У берега, вытоптанного коровами, был хороший и укромный заход в воду. Солнце едва село.

Харитина бросила лодку у берега, стащила с себя платье, слишком короткое для села, скинула с головы намитку и, оглядевшись, одна ли, забежала в воду.

Видно было до самого дна. На глубине желтели лопухи кувшинок, стебли лилий запутывали ноги. Харитина выплыла на глубину, нырнула несколько раз, но, испугавшись темноты, повернула к берегу.

Не очень-то радовал её будущий приезд Павлуши, которого пришлось бы развлекать. Да ещё сидеть с ним в гостиной, а вечерами ещё и заставят петь, играть на новых «пианинах». Пока Харитина думала про то, что ожидает её ещё большая скука и как от этой скуки скрыться, неслышно подъехал кто-то на берег. Харитина, спрятавшись за лодку, приподнялась до глаз. Это приехал Яша на Белоухе, которого, вероятно, навсегда уже присвоил.

Яша сразу заметил, что в лодке лежит не сельское платье, и красную намитку.

Белоух шумно влетел в воду, качнув лодку. Яша сверху уже приметил косу Харитины и её спину, опалово светящуюся в сумеречной воде, и, сделав круг по мелководью, выгнал коня на берег.

— Простите, буде ласка, паночка, никак мы не ожидали, что вы тут выбрали себе купальню,— сказал Яша громко, и голос его чуть задрожал.

— Да от людей нигде не скроешься,— ответила Харитина, с локтями вылезши из воды и повиснув на борту лодки, как давеча Стёпка.— Всё смотрите за мною.

— Как за вами шею не свернуть… за такою?..— осёкся Яша.

— Ты коли пришёл купаться, то айда, я выйду, а после того, как уплыву, купайся хоть до ночи.

Яша засмеялся, поднял Белоуха на дыбки и снова скакнул в воду, поднимая брызги.

— Да и я вам не помешаю. Сплаваю на той берег.

Вместе с Белоухом они вошли в воду и, держась от Харитины чуть поодаль, поплыли на другой берег. Конь оглушительно отфыркивался, Яша, держа его за уздцы, плыл рядом, прямо как был, в портах. Только рубаху скинул.

Харитина, прячась в тень, выбралась на берег и в тростнике оделась. Пока она путалась в платье, которое никак не желало налезать на мокрое тело, Яша вышел на супротивный берег в заросли вишенья и вывел за собою Белоуха. Харитина выжала косу, подол, обвязала голову и залезла в лодку. Белоух, ломая кусты, с Яшей на спине залетел в воду с крутого берега и поплыл к лодке. Харитина сперва испугалась, что конь перевернёт её, но Белоух, медленно перебирая ногами, подкатил к ней Яшу.

Яша, поравнявшись с Харитиной, хитро моргнул ей и, словив её ответный взгляд, протянул руку.

Харитина вздрогнула, но, заметив, что Яша протягивает ей что-то в горсти, наклонилась и дала свою ладошку.

Яша высыпал ей на ладонь несколько крупных вишен и продолжил свой путь до берега.

— Благодарю!— крикнула вслед Харитина и отложила весло в сторону.

— Поспели уже!— ответил Яша уже с берега.— Не стоит вашей благодарности!

Медленное течение меж тем стало тихонько уносить лодку в сторону Сны. Харитина радовалась, что Яша не видел, как она покраснела со стыда.

— В жару всё быстро поспевает! Особо вишенки!— Яша слез с Белоуха и, стоя по колено в воде, провожал взглядом Харитину.

— Да уж дождика бы!— сказала она, и её голос далеко разнёсся над зеркалом воды.

— Не зазнобитесь! А то ночью будет буря, а у вас окно раскрыто.

Харитинины брови прыгнули вверх от удивления, но Яша уже этого не видел. Видел только её ровную спину в светлом платье и чёрную голову, повязанную по-девичьи, над свинцовой гладью Ровца.

Ночью и вправду буря чуть было не побила окна. Полинушка, Пров Игнатьич и генерал, поднятые за полночь ударами ставен, забегали по дому. Одна только Харитина, уморившись катанием на лодке, мирно спала и ничего не слышала.

Наутро, по мороси, пришедшей на смену ночному ливню, Харитина вышла в освежённый сад.

Яблоки попáдали от ураганного ветра в траву, белели бочкáми из густой зелени. Малина вывернула листья исподками наружу и согнулась почти до земли. Харитина поела малины, намочив ноги в росе, побродила по саду, обувшись во дворе,

вышла за ворота, кутаясь в шаль. Хорошо, что она искупалась вчера. Погода, видно, испортится.

Шумно сорвавшись с укромной ветки, совсем рядом пролетела пёстренькая кукушка.

— Охти, зозуля полетела… — испугалась Харитина и задумалась ненадолго, стрясывая росу с чоботков.

Издалека, у края леса, слышались пуги пастухов: дождь им не мешал. Вскоре и сюда подъедут. Стёпка? Яша? Лучше бы Яша.

Первые коровы прошли, за ними и вправду ехал Яша, а следом Стёпка.

Яша, проезжая мимо Харитины, снова склонился и снова в протянутую руку положил ей вишен.

Стёпка, нагнав Яшу, недовольно сверкнул глазами. Харитина, улыбаясь, провожала взглядом Яшу, как когда-то его, Стёпку. Теперь уже нет… Нет, не провожает.

У Стёпки затрепетало сердце. Яшина гордая спина мелькала впереди. Стёпка стиснул в руке плетёную рукоять пуги и что было силы ляснул по бокам своего коня, вырываясь вперёд стада.

Яша оглянулся на звук пуги. Но взгляд его был не любопытный, а сальный, словно он только что миску сметаны опростал.

Вечером того же дня Харитина уже сидела на скамейке под сиренью с книжкой.

Книжка была дурная, про любовь. Ещё бабкина. С потрёпанными серыми страницами, с мелким шрифтом, и разваливалась на части. Потому Харитине вынесли маленький столик, на который она ставила чашку кофею и клала выпадающие страницы. Генерал поехал на станцию встречать князя с сыном, а Харитина уже не могла себя остановить перед желанием увидеть Яшу.

Благо путь его всегда пролегал через усадьбу, куда он загонял последних двух коров и двух телушек.

Вот и он, уже едет. Тихо едет, шагом. Полинушка и Нюшка открыли калитку и приняли напасшихся коров. Сейчас ещё есть полчаса посидеть одной, а потом позовут пить тёплое, пахнущее травой молоко с витушками.

Харитина, чуть прикрываясь книгой, приподняла глаза. Яша заметил, что сегодня она и одета по-городскому. В длинном голубом шёлковом платье. Гладко причёсана, коса заколота серебряными шпильками. Яша, остановившись возле скамейки, потрепал Белоуха по гриве.

— Наряжонка вы сегодня! Ждёте кого? — спросил Яша.

— Жду. Князь с сыночком приедут, — ответила Харитина печально и отвела книжку от дрожащих губ.

— Дак радоваться надо. Не будете теперь слоняться одна по кущерям.

— Мне бы лучше одной.

— Вишенка-то сладкая… была?..

— Сладкая, — выдохнула Харитина, словив на себе наглый взгляд Яши.

Яша выпрямился. Белоух встал на дыбки, попрыгивая, пошёл, заржал недовольно. Яша крепко держался коленками. Опустил коня, потрепал его по гриве узкой, некрестьянской рукой, покрутил рукоять своей плётки между пальцами.

— А Стёпка где? — спросила Харитина едва слышно.

— Дома уже. К нему сегодня будущая тёща в гости придёт с евоной невестой. Большие побалакают о чём-то. А дети в горелки посигают.

Харитина с усилием улыбнулась.

— Куда ж его женят? Он мал ещё.

— Ничего, не надорвётся. Найдёт ведро колодец.

Харитина вспыхнула.

— Будет и нам лясы точить. Пора мне пороться. Матушка заболела, а мои братья голодные сидят, — Яша чуть заметно поклонился и уже было поехал, но Харитина его остановила, привстав со скамейки.

— Может… погоди, погоди… я пойду соберу им гостинцев.

— Премного благодарен, но ждать мне нельзя никак.

— Погоди, Яша… мне всё равно… я не утруждаюсь этим…

— Смотрите. Харитина Осиповна, какая вы бледная… Вам надо раньше ложиться. А вы говорите — не утруждаетесь. Чем-то, видать, утруждаетесь, может, думаете много…

— Много, Яков, — ответила Харитина, отводя глаза.

— Так вы не думайте. Спать будете спокойнее…

— Да что-то не спится.

Яша снова нервно потрепал Белоуха.

— Коли не спите, приходите к нам на гулянки. Никто вас не тронет.

Харитина остолбенела.

— Куда же это?

— Гуляем мы на берегу. Картошку печём, голубей. Приходите. Там девки и парни. Все играют, песни поют, а когда и пляшут. А расходимся по темноте. Зимою-то в хатах собираемся, а летом на Ямине… В логу, у речки.

Харитина вскинула бровь.

— Яков… ну… я же… как я пойду?

Яша и сам понял, что болтнул лишнего.

— Харитина Осиповна, простите, коли я что не то сказал. Но мне, дураку стоеросовому, дóлжно простить. Я лучше вам сам принесу картошки и голубя. Не ходите. Там речи у нас не барские. И девки рыгочут громко, и парни всякую… всякую-разную чепуху несут.

И Яша, стукнув пятками Белоуха, прянул по влажной от недавнего дождя дороге.

Харитина проводила его долгим взглядом.

— А куда же вы после гимназии собираетесь? — спросил Павлуша, складывая ладони на коленях от смущения и робости.

Харитина, откинувшись в плетёное кресло, овеваемая сквозняком из открытого окна веранды, лениво повернула голову.
— Хотелось бы на Бестужевские. Я сильна в химии и биологии. Возможно, стану заниматься наукой.

Павлуша искоса глянул на выбившиеся из пучка волосы Харитины, пушистые и кручёные, как побеги мышиного горошка.

Ему было неловко, что его оставили наедине с тою, про которую он думал больше и чаще, чем про других знакомых девушек. Тут было совсем неудобно. Отец и генерал с вечера ушли на сомов, прихватив Прова Игнатьича, а его, Павлушу, оставили на растерзание Харитине.

Сначала она несколько часов заставляла его читать вслух «Братьев Карамазовых», потом мучила расспросами, что он думает по поводу судьбы братьев.

А Павлуша не любил и не понимал Достоевского с самого детства.
— Что мы сидим? Пойдём, я вас, Павлуша, научу по бутылкам стрелять,— внезапно сказала Харитина и хлопнула ладонями о подлокотники.— А? Как у вас с целкостью? Хорошо?
— Не люблю стрелять. Думаю, в мирные времена вообще нужно запретить брать людям оружие в руки,— проблеял Павлуша и мелко заморгал светлыми, почти невидимыми ресницами.
— А как тогда учиться защищать родину? Ежели вы стрелять не хотите, то какой вы кадет? Пойдёмте, я вам дам свой браунинг, и вы с него постреляете.

Павлуша замялся, поднял васильковые глаза на Харитину.
— А может, пойдёмте выпьем чаю? Сегодня хорошо пить чай. Не так жарко.

Харитина усмехнулась и встала, оправляя вышитый подол.
— Вы, Павлуша, как лён… Такой светлый, такой мягкий… Хорошо будет той, которой вы в руки придёте. Она из вас не нитки прясть, а верёвки вить будет.

Павлуша покраснел, как варёный рак, но Харитина уже вышла с веранды и позвала его в гостиную к чаю.

Через полчаса она всё-таки упросила его взять в руки браунинг, и они, выйдя в сырой сад в сумерках, с трудом сбили с деревьев несколько яблок.

Князь Маренич не очень любил генерала, хотя и служил с ним в одном полку по молодости. Они соседствовали поместьями, и, к сожалению, в последние годы генерал только и делал, что проигрывал в карты. Бóльшая часть имения Осипа Марковича была заложена. Дом также заложен. Самые большие страхи генерала заключались в том, что Харитина узнает об этом. Князь непосредственно взялся давать в долг старому другу. Но, как известно, долг платежом красен.

Кроме ларчика с бриллиантами и рубиновым материнским ожерельем, Харитина не получила бы в наследство ничего, разве если Павлуша не влюбится и не женится на ней.

Но Павлуша при честном раскладе не женится. Как бы ни хотелось этого генералу.

Однако нельзя было терять надежды. Хотя надежду на исправление своё генерал уже потерял.

Князь вёл себя панибратски. Он изо всех сил требовал к себе внимания, иногда капризничал. Словом, не считал генерала за человека своего ранга. Считал его обязанным, считал убогим, пропитым юродом уже называл.

В последние годы князь редко покидал поместье. Приезжали к нему гостить именитые друзья с жёнами и дочерьми, среди которых он разглядывал будущих невест для Павлуши. Жена князя Марфа Матвеевна, ещё красивая дама, больше жила в столице, только летом навещая мужа, а своё отдалённое от него бытьё объясняла тем, что за Павлушей нужен особый пригляд и для того она там.

Несколько раз Харитина была в гостях у Марфы Матвеевны в петербургском доме. Но присутствие Павлуши, который был несколько неприятной наружности, всегда смущало её.

«Tout dans les couleurs de l'amour (весь в «цветах любви»), как оранжерея»,— думала про себя Харитина и с грустью вспоминала Павлушины прыщи и засаленные волосы над воротничком форменного кителя.

И теперь отец хотел, чтобы она развлекала его.

Вечером, после пяти, Харитина, встревоженная чем-то, спустилась к полднику, и Павлуша, краснея и бледнея, предложил сделать её портрет. Он взял с собой краски и картон, собираясь к генералу.
— Хорошо. Но не долее чем час буду сидеть неподвижно,— гордо уронила Харитина и, усевшись на тахту в гостиной, оперлась на подушки.
— Чего же вы мне будете рассказывать этот час, чтобы я не заснула?— спросила она у Павлуши, который суетливо разводил краски и трясся в нетерпении начать.
— Расскажу вам про… про…— замялся Павлуша.— Хотите, что-нибудь про ботанику?
— Не хочу. Мне тут на природе много ботаники…
— Тогда давайте поговорим о политике.

Харитина закашлялась.
— Давайте лучше молчать. Рисуйте скорее, и мне нужно на прогулку.

Павлуша взял карандаш в руку, но карандаш плохо слушался.
— А можно, я с вами?— спросил он, спрятав глаза за картоном.
— Я верхом. Да и ненадолго.

Генерал и князь Валерий Николаевич вернулись около десяти вечера. Пров тащил на промокшей

спине огромную тушу сома, пуда в три весом. Валерий Николаевич, довольный, хмельной и краснощёкий, генерал с покрасневшим носом и глазами еле перебирали ногами.

Полинушка подала ужин в гостиной. Князь ржал басом. Генерал смеялся тенором. Раскатами и рокотанием. Увидав спускавшегося по лестнице Павлушу, оба смолкли.

— А где барышня? — спросил князь, мигнув Павлуше. — Спят?

— Поехала кататься, — вздохнул Павлуша, и углы его обмётанного прыщами рта обидно опустились.

— Куда? В ночь? — спросил генерал, перестав смеяться.

— Сказала, что всегда так по вечеру гуляет.

Пров, подающий тушёную утку на блюде, склонился к генералу:

— Осип Маркович, я пошлю за нею. Она, небось, в ближних полях.

— Да, голубчик… будь ласков, пошли. Пошли кого порасторопнее.

— Я пошлю Стёпку. Они поросёнка смолят с Архипом, сейчас пойду его кликну.

Генерал как будто сразу расплылся в кресле и не принялся за утятину, ограничившись капустой.

Князь, напротив, стал рассказывать Павлуше про то, как их лодка чуть было не перевернулась, когда взял сом.

— Видал, какая только ряха, а? Ширше, чем больше! Sale gueule! (Образина!) — засмеялся князь.

Стёпка никогда не отказывался, когда его звали пособить в усадьбу. Хотя там и было довольно работников да наймитов, Стёпка со своей сноровкой и силой всегда был к месту.

Сегодня резали свинью, и с вечера он пропадал на скотном дворе, помогая Архипу Никандрычу. Стёпка видел, как мимо него прошла скорым шагом Харитина за Ледком и как она сама его запрягла, не воспользовавшись помощью Мины.

— Да-й, ясно дело, генеральска донька, — сказал Архип. — Сама запряжёт, сама поедет… а то-й стрельнёт с маху…

Стёпка молча возился с тушей и, заметив проходящую обеспокоенную барышню, отошёл в сторону, чтобы его было не видно. Синие сумерки сделали Харитину ещё краше.

— Фу! — сказала Харитина, поморщив нос. — Эти ваши свиньи кругом…

Стёпка, от которого воняло свиными внутренностями и навозом, по которому долго пришлось ходить, пока ловили и резали свинью, застыдился чуть не до слёз.

Харитина же, оседлав Ледка прямо во дворе, выехала в ворота, открытые стариком Миной, и махнула рукой в чёрной кожаной митенке.

— Батюшка приедет, не сказывайте, что я кататься поехала, — приказала она кучеру.

Стёпка похолодел, догадавшись тому, куда она только могла заехать по темноте.

В то время позднее с Ямины уже разошлись и парни и девки. На высоком берегу Сны, прямо у песчаного скоса, только один Яша задумчиво жарил на углях линей и молодых налимов, похожих на жирных, огромных слизней. Свежий улов до сих пор бил хвостами в брошенной около костра кимле. Яша решил перепечь всю рыбу и подумать в тишине, а после отнести домой уже готовое, чтобы не разжигать очаг в летнике.

Огонь, слабый и синеватый, метался над поленьями, а Яша в свете этого костра выглядел золотистым и терракотовым, сплошного цвета, от волос до ног в закаченных портах. Уже два дня Яша не видел Харитину, и внутри него всё горело от неутишённого пламени неизвестности.

Что приехал князь с сыном, он знал. Да и мало ли кто из господ мог приехать… Но что там Харитина и как она занимается Павлом Валерьевичем, про то разве доймёшь? Скучно ли ей?

Вчера на пастбище и Стёпку пришлось чуток придавить Яше, потому что тот взял в голову, что Яша что-то замышляет.

Стёпка пообещал, что ни на шаг от него не отринет, что будет с ним ездить до самого дома и утром, и вечером. Скорее уж Стёпка задумал что-то.

Костёр издалека было не так видно, как душистый дым от него. Харитина, едущая по бледнеющей в темноте дороге, повстречала расходящиеся парочки, знакомых сельских девок, которые шумными стайками ворочались до домов, и провожальщиков-парней, идущих поодаль.

Кто-то играл на гармони, и девки, развеселённые и крашеные, как колядующие, в безвкусных пушках и монистах, заливисто смеялись.

Смех их будоражил Харитину. Она, сидя по-дамски, в тёмно-сером агатовом платье, неотличимом от темноты, только приближаясь, становилась видной и слышной встречным.

Но и парни, и девки свернули на село, а Харитина последовала дальше, к берегу, от которого доносился вкусный запах дыма.

Ледок, казалось, своей белой шкурой освещал ей темноту. Идя вдоль берега, Харитина только и надеялась, что конь, знающий дорогу, не оступится вниз. Издалека послышалось тихое ржанье. Ледок ответил утробно, почти рокоча.

— Белоух ржёт… — сказала Харитина. — Едем до него.

Тихой дорогой, по сырой полынной траве, Харитина шагом доехала до берега. Яша сидел спиною к ней, у костра, но ясно было видно, что он услышал и понял, кто приехал.

Харитина, держа Ледка под уздцы, подошла из темноты. Белоух, привязанный недалеко, закивал большой головой, увидав её и узнав.

— Не страшно барышне по темноте одной ходить? Тут же мужики, всякие чумаки ходют,— сказал Яша, не обернувшись.— Грех-то находите себе.

Харитина обошла костёр и села на брёвнышко, лежащее напротив Яши.

— Дома уж лучше не сидеть мне. Там точно хуже мне будет, Яша.

Яша, освещённый костром, крутил над пламешком рыбу, надетую на прут. Он был без рубахи и в одних портах, босой. Рубаха сохла, распяленная на ракитовом кусту.

— Рыбки вот поешьте,— тихо сказал Яша, глянув хитрыми глазами на Харитину.— Поешьте, да я вас домой провожу.

Харитина протянула руку, и Яша молча вложил ей в ладошку закопчённую ветку. В глазах его так и виделось удивление, но всё больше радость, которую он не мог скрыть. Голая грудь его часто поднималась от волнения.

— Ты вот один сидишь… А где твоя подруга?

— Нет у меня подруги. Разругались. Давно уже…

— Что же не поделили?

— Да подарков просила.

— Трудно, Яша, тебе. Жениться надо уже.

— Куда там «уже», пока не заматерел, барышня.

— Не спешишь, Яша?

— Коли ваш Стёпка не прибежит, то не спешу. А то прибежит.

— С чего он прибежит?

— Как обещался, что будет за мною ходить… Пришлось его умирить. Вот… даже об зуб его рассёк костяшку себе.

Харитина молча улыбнулась.

— Стёпка ваш дурак. Что ему говорить, коли он не понимает? Что он-то может понять?

Голос Яши задрожал.

— Не холодно вам?

Харитина замотала головой.

— Я бы искупалась даже.

— Ох… да вода-то…

— Вода хорошая. А я вот как раз купаться ехала.

— Купаться страшно. А ну как водяница в вир затянет?

Яша блеснул улыбкой, и Харитина застыдилась.

— Ну, я только воду пощупаю.

Яша встал и подошёл совсем близко, так, что она увидела его лихорадочно блестящие глаза и чуть подрагивающие губы.

Харитина взяла Яшу за руку, и они стали спускаться с берега по песчаному откосу, но, не удержавшись, или нарочно, или случайно, Яша соскользнул по влажному песку и повлёк за собою Харитину в какую-то пропасть, как ей показалось, без конца и без края. Падая на мягкий песок, она только и успела увидать взошедшую над далёкими холмами красноватую луну.

— Яша, Яша…— зашептала Харитина горячо и прерывисто.— Зачем же это?..

Яша, ухватив её за затылок, жадно и крепко целовал её лицо и шею, отплёвываясь в сторону песком. Его тонкие и сильные пальцы путались в завязках корсета и, не зная, как управиться с крючками, он разорвал их одним движением и беззвучно повалил Харитину на песок Ямины.

Стёпка первый узнал о том, что случилась беда. Он, объезжая округу и разыскивая Харитину Осиповну, издалека увидал дымы от костра и Ледка с Белоухом. Все на селе давно спали. Из травы доносился треск кузнечиков и саранчи. Летучие мыши низко и рвано летали над дорогой, стараясь вцепиться в белые пятна на шкуре Стёпкиного коня. Увидав знакомых лошадей, Стёпка потоптался на месте, но не стал подъезжать ближе. И так было ясно, что Харитина знала, куда едет.

Вернувшись, Стёпка передал Прову Игнатьичу, что Харитину нашёл, что она пошла до знакомой девки Палашки учиться вязать кружево и осталась у неё с ночёвкой, боясь ворочаться по темноте. Полинушка поднялась к генералу в спальню, но уже застала его спящим.

Стёпке, напротив, не спалось. Он приехал домой, бросил коня у повети, шатаясь от усталости, зашёл в свою клеть и лёг на сундук.

Мать оставила ему на столе глечик с молоком и миску с сыром. Стёпка, ещё недавно голодный, не стал вечерять. Всё существо его поглотил ужас. Он трясся от негодования и гнева до того, что пот на лбу выступил. Сейчас он готов был пойти и прибить Яшу голыми руками, придушить. И Харитину вместе с ним. Завтра им вместе с Яшей пасти. И снова Яша будет спать под ивой, как насытившийся кот. А Стёпка — сгорать от ненависти и тревоги.

До петухов Стёпка не сомкнул глаз и едва поднялся на работу. Вылив на себя ведро воды из колодца, он пофыркал и немного пришёл в себя. Конь, накормленный матерью, уже ждал его у калитки.

Вернувшись по утренним сумеркам, Харитина только и смогла, что зайти во двор и расседлать Ледка. Яша проводил её до усадьбы, поправил ей разметавшиеся волосы, стянул, как мог, завязки на спине платья и, поцеловав в лоб, отпустил, горюя, что ночь оказалась коротка.

Харитина, в полном изнеможении чувств, на цыпочках, по спящему дому, дошла до кухни, нашла на грубе горшок с разварной гречей, зачерпнула ложкой, но руки её не держали, и греча просыпалась на пол. Харитине хотелось смеяться от счастья, но она только закрыла рот рукой и пошла к себе, стараясь не шуршать платьем и не скрипеть полами.

Наутро, когда Полинушка позвала к завтраку, заглянув к ней, Харитина только сказала:

— Подай сюда.

Удивлённая Полинушка заметила и задёрнутые гардины, и брошенное возле постели платье, и башмачки, выпачканные серой береговой глинкой.

Но никому не сказала ни слова и вышла к завтраку, ложно сокрушаясь, что у барышни-де голова болит.

Никто ничего не сказал по поводу этого. Стёпка занял коров, только коротко спросив Полинушку, как Харитина Осиповна.

— Ещё почивает,— ответила та.

Стёпка хотел что-то сказать, но снова, злобно ляснув пугой, рванул вперёд. Яша пасти не пришёл, прислав младшего брата, десятилетнего Ефимку. Толку от него было мало, поэтому Стёпка, не спавший двое суток, так упластался, что, придя домой, еле добрался до своего сундука и уснул без снов.

Не более приятен, чем его сын, был и князь. Так же высок ростом и даже долговяз, с огромными залысинами на лбу и с длинным малоподвижным лицом, на котором редко можно было прочитать истинную эмоцию, покуда князь не выпивал рюмочку-другую горячительного. Тогда он преображался совершенно.

На обеде генерал нарочно посадил провинившуюся Харитину между князем и Павлушей, ровно держащим спину и слишком громко постукивающим приборами по тарелкам. Харитина, не выспавшаяся и взволнованная, почти ничего не съела.

Глаза её бегали, руки не слушались, раздражало каждое движение отца, особенно когда он тянулся к графинчику, чтобы налить себе и князю. Харитина слушала рассказ князя о юбилейном бале царствующей династии, на котором ему удалось побывать и на котором также побывал Павлуша, о нарядах, о великих князьях и княгинях, о Марии Фёдоровне и её попытках задержать уходящую молодость и красоту.

— Говорят, порезала себе за ушами кожу, чтобы натянуть её. Не понимаю, как не ясно, что это всё втуне, втуне, Осип Маркович? Наверное, её накачали хлороформом, чтобы ничего не чувствовала… Да и молодость эта бывает столь оказлива, столь надоедлива бывает, что кто-то и рад, когда она наконец освобождает сердце и ум для сто́ящих мыслей. Вот вы, Харитина Осиповна, mon cher, как считаете, должна ли долго длиться молодость?

— Je doute (Я сомневаюсь),— ответила Харитина тихо.— la jeunesse, le temps est court… (Время молодости быстро проходит…)

— Ах, ясно, что ничего короче нет. Но и ничего нет счастливее тех лет,— вздохнул генерал, вытянув сухие губы.

Харитина повернулась к Павлуше и завела выпавшую из пучка прядь волос, от которой предательски пахло Яшей, за ухо.

— Вы, Павлуша, ещё не понимаете нас. Но поймёте скоро.

Князь и генерал захохотали. Павлуша, который сидел, будто версту проглотил, надменно улыбнулся.

— О да, куда нам до вас…— сказал он словно про себя и хмыкнул.

Харитина вспыхнула. Щёки её стали похожи на две огромные пунцовые дикие гвоздики.

— Qu'est-ce qui est si drôle?— спросила она чуть хрипло.— Я смешна?

Генерал добродушно сощурил глаза и с усилием сдержал себя от смеха.

— Да, донечко, ты много смешного говоришь. Но ты не смешна, нет… Нет, ну что ты!

Харитина двинула стул и, выскочив из-за стола, убежала прочь из столовой.

— Зачем вы так грубо шутите? Видите же, что её что-то беспокоит,— сказал Павлуша, покраснев.— Не жалко… не жалко вам её.

Генерал откашлялся и перевёл разговор в политическое русло.

Вечером, когда село солнце, Стёпка поехал на Ямину. Там по-прежнему, сложенные шалашиками, чернели приготовленные парнями и девками хворост и дрова для посиделок, трава была истоптана, и серая зола кострищ подёрнулась росой. Стёпка с содроганием спрыгнул вниз, с откоса, на взбитый, мягкий песок и сел, зарыв ноги по щиколотки.

— Харитина Осиповна, душечка моя, раздушечка… дролечка моя милая, что же ты наделала, утица моя серая?.. Нет бы дождалась меня, ужо я тебя бы миловал, баловал…— зашептал Стёпка и гладил песок, пересыпая его меж пальцев, и горькие слёзы подступали к глазам.

Всё затуманилось кругом. И река, спокойно шедшая меж тихих берегов, и камыш, и летящие домой цапли. Всё превратилось в размазанные пятна, в смешение и беспорядок. Стёпка когда-то только и мечтал о том, что вырастет, что Харитина вечно будет юной, вечно его, а теперь её нужно делить, да ещё с кем… И тот, с кем придётся её делить, нисколько не ценит своего состояния, что свалилось на него случайно, обыкновенно… Страшно в своей случайности. Вспоминал Стёпка, как он и Харитина ещё только год назад ходили за рыбой, трясли сети. Купались вместе, не стыдясь друг друга, и спали в стогу, обнявшись. Харитина щекотала его нос травинкой, а он, обнимая её за талию, лежал и вдыхал весь её девичий аромат, её запах, напоминающий запах сухой кострики на гумне и полыни в поле или горьких вишнёвых листьев. Как она низко склоняла длинную тонкую шею, похожую на шею какой-то изящной птицы, уча его выводить буквы, как сама привозила в школу на двуколке, и все кланялись ей в пояс, а он не кланялся. Как они вместе ходили в церковь,

и он смотрел сколько хотел на её бледное узкое лицо с чёрными лоснящимися глазами, на брови, похожие на разбегающиеся спинки куниц, и тогда, когда она была только его, он был счастлив.

Но вдруг что-то больно кольнуло Стёпку в руку, и он, отдёрнув ладонь, снова погрузил её в песок. То была шпилька с крупным аметистом. Серебряная шпилька Харитины Осиповны. Стёпка похолодел, стал ползать по берегу и разрывать песок. Слёз и след простыл. Он искал, искал, рыл песок. Размётывал его и находил шпильки, крючки и кусочки агатового батиста. Так он нашёл целую горсть… Счастливая его нега сменилась на гнев, придавивший его, как тяжёлый мешок с известью. И такой же был он белый, жгучий, как известь. Стёпка нашёл три шпильки, пять крючков от корсета и два кусочка ткани. Он хотел было забросить всё это в Сну, потом — сохранить себе, но придумал, как укусить Харитину-предательницу. Он взбежал на откос, спрятал в гаман находки и ударил жеребчика пятками.

Через несколько минут Стёпка уже стучал в ворота усадьбы Осипа Марковича. Вышел Пров Игнатьич, дёргая себя за усы.

— Шо, малой? — спросил он грубо. — Шо тебя гриц носит по темени? Анчуто беспятое?

— Позовите Харитину Осиповну, барышню.

— Чего она тебе сдалась сейчас? Болеет она.

— Позови, Пров Игнатьич, Богом прошу, она только рада будет.

— Нет. Не стану беспокоить.

Стёпка задрыгал ногами.

— Пров Игнатьич, голубчик! Скажи, я приехал! Скажи, срочно!

— Мёду принесёшь? — лукаво спросил управляющий.

— Принесу.

— Тогда с барышней поговори и дуй за мёдом. Буду ждать.

Пров Игнатьич ушёл. Через несколько минут выбежала Харитина в домашнем платье, с распущенными волосами и в шали на плечах. Глаза её блистали, алые губы дрожали.

— Что? Стёпка? Что? Случилось что?

— Случилось, — злобно сказал Стёпка, бросив в руки Харитины тряпицу со шпильками. — Не думал я, барышня, что вы даром себя обесчестите. Пробачь мени, барышня.

Стёпка развернул коня и поехал в сторону дома бешеным аллюром. Харитина, побледнев, развернула тряпицу и, увидав шпильки, осела на траву и тихо заплакала. Но вскоре взяла себя в руки, вытерла лицо концом шали, огляделась и, шатаясь, пошла домой.

Далеко катила река Сна свои воды. Укромные затоны отходили в разные стороны от берегов, питая новой свежестью и чистотой старую реку. Недалеко от Ровца уютный затон скрывал свидания Харитины и Яши дремучими прибрежными зарослями. Только с воды можно было зайти сюда. И они вплывали на Яшиной лодчонке на самую середину, чтобы никто не смог увидеть их через сплошные зеленя разросшихся вётел и ив.

Стрекозы садились на борта лодки, хлюпала вода о дно, мимо пролетали лебеди, чуть не цепляя их крыльями. Харитина, одевшись по-селянски, каждый день в течение недели пропадала из дома.

Уже смеялись над нею в селе и смеялись в усадьбе. Тайно и несмело. Но разговоры было не унять. Стёпкина мать как-то сказала за столом, что Харитина Осиповна-де заигралась, чем забидела Стёпку, и тот две ночи ночевал на сеннике, пока его не позвали в дом.

Яша приезжал на луг сонный, с тенями под глазами, расстроенный и несобранный. Он долго смотрел вдаль, жевал стебель мятлика, тупо и безразлично, не обращая ни малейшего внимания на Стёпку, который, по сути, один пас и перегонял стадо. Яша отмахивался от Стёпки, материл его с загибами и ложился спать, подложив под голову драную на рукавах куфайку.

В середине дня, когда жара достигала своего пика, Яша шёл купаться, а сам уплывал куда-то на несколько часов и ворочался только к закату, когда приходила пора гнать стадо домой.

Стёпка не мог понять, зачем Яша играет с его чувствами, испытывает его терпение, рассказывая каждый день, как хороша Харитина Осиповна, что придёт то время, когда будут пастухи жениться на генеральских дочках и дочки те будут им ноги мыть и воду пить. Стёпка кипел, набираясь вредной злости, нетерпения, всего того, что портило его добрую душу. Червь ненависти разрушал его изнутри, свивал его кольцами.

Последней каплей было то, что Стёпка, не дождавшись Яшу из его отсутствия, поехал берегом Сны и услыхал тихий смех Харитины, разносившийся над затоном.

Клубилась мягкими облачками мошка, и слётки ласточек низко носились над серебром стоящей воды. Стёпка шикнул на коня и, наступив на его широкую спину, поднялся на ветлу и всё выше и выше стал забираться вверх.

Посреди затона на грузе, не колышась, чуть видно покачивалась лодка, а в ней лежала Харитина, обняв Яшу рукой под шею.

— А что, Яша, когда-нибудь и убежим мы с тобою, — говорила она таким нежным голосом, какого Стёпка никогда и не слышал.

— Куда же нам бежать, дроля моя, Харитина Осиповна? Разве нас нигде не настигнут?

И Яша перебирал согнутой рукою, жёлтыми от махры пальцами длинные распущенные косы Харитины, накручивая их кудерочками и снова распуская.

Стёпка так разозлился, что чуть не выдал своего присутствия, ударив кулаком в ствол ветлы. Ноги его одеревенели, пока он старался удержаться в пушистых ветках.

Наконец увиденное показалось ему столь постыдным, что он сам себя изругал и стал тихо спускаться. Яша, будто чувствуя что-то, сел, поцеловав долгим поцелуем Харитину в губы, и направил лодку к берегу, стараясь не плескать веслом.

Стёпка едва успел вывести коня из кустов и улепетнуть прочь.

— А что это ты, Харитина, всё ездишь одна, не наездишься? Бери с собою Павлушу,— сказал генерал как-то.
— А разве он скучает? Вы же вечерами в преферанс дуете.
— Что ты, мы в «гусарик» дуем.
— Брали бы Павлушу свои пульки расписывать.
— Лучше надвое. Мы уже такие с князем стали прожжённые, что Павлуша наслушается вредностей.

Харитина глубоко вздохнула. Нынче Яша отпросился съездить в город за покупками, потому как базарный день, и не будет сегодня встречи.
— Что же. Поехали, Павлуша. Ты на Ледке, я на Белоухе.

Павлуша скромно согласился, надел отцовские сапоги, генеральский мухояровый армяк, перетянулся кушаком и взял хлыст.

Харитина снова повязалась намиткой и села в седло по-дамски.
— Как есть паробок,— бросила она Павлуше презрительно и чуть слышно тронула Белоуха носочком ботика.

Харитина подумала, что ежели Яшу одеть в городское платье, то он будет краше любого княжонка. Но тому не бывать…

Они выехали в поля чуть раньше заката. Роса на траве уже блестела, выбитые тропки, будто посыпанные изморозью, вели в заросли сныти и болиголова. Мясистые шарики кровохлёбки, усыпанные будто чёрными пёрлышками травы кукушкиной слезы, разлетались в стороны от внезапного лома лошадиных ног, качались и снова вставали ровно, стеною. Шаг Харитина сменила на рысь, а рысь на галоп. Павлуша нагнал её галопом, напряжённо держась за седельную луку.
— И куда, Харитина Осиповна?— задыхаясь, спросил он, придерживая великоватый картуз.
— Не всё равно вам куда, Павел Валерьевич? Поехали до Лукашей.

Они прибавили ходу и понеслись по пойменному лугу до дровяного мостика, прошли, спешившись, по хилому, расшатавшемуся настилу через Ровец и поехали дальше на рысях.

Вскоре впереди показалась голубая лукашовская церковка, а за ней — просторная сторожка и ряды изб. Добротных, с каменными палатками перед дворами.

Харитина словно что-то искала. Она ехала, вглядываясь в каждую избу, посматривая на бедные окошки, на старух и стариков, пасших гусенят возле дворов.

Павлуша тоже заметил, что Харитина что-то внимательно разглядывает. Наконец дорогу им стала пересекать статная женщина с коромыслом, шедшая до журавля. Харитина остановила коня. Павлуша тоже пропустил женщину и заметил про себя, как она хороша собою.

Харитина сразу же догадалась, что это Яшина мать, по золотому отливу волос, видневшихся из-под хустки, и по чертам лица, и по городской одежде её. Вдруг Харитине стало не по себе, особенно когда женщина склонила голову, увидав её.
— Павлуша, поехали, до сумерек обогнём Лукаши да по большаку вернёмся,— сказала она расстроенно.
— Куда вы, туда и я, Харитина Осиповна.

Они перешли на галоп и по широкой улице понеслись к площади смотреть новую церковку.

В субботу уезжали князь и Павлуша. Харитина могла выдохнуть свободно, не убегать из дому под любым предлогом и ходить куда ей вздумается и когда захочется.

Поутру они договорились с Яшей встретиться дома. Чтобы он пришёл тихонько со стороны сада и зашёл к Харитине через окошко.

Как только Мина заложил возок и генерал засуетился, провожая князя и помогая привязывать багаж, Харитина коротко простилась с Павлушей, который подарил ей свой портрет, а её портрет взял себе на память.
— Надо было, наоборот, мой-то оставить,— раздосадованно сказала Харитина.— Зачем мне ваш?

Князь поцеловал её руку, обещая привезти как-нибудь Марфу Матвеевну.

Харитина махнула отцу, князю и Павлуше, постояла недолго у ворот и раззевалась.
— Спать уже охота…— сказала она Полинушке.

Полинушка закивала.
— Чтой-то я не привыкла так гостей принимать, барышня… ладно вы, родная наша, а тут услуживай ему весь день. Только чаю выдул на пять целковых. А уж кофею…
— Да не ворчите, Полинушка. Отец хотя бы развлёкся его обществом…

Харитина ушла к себе, ждать темноты и Яши.

До одиннадцати часов она не спала, прислушиваясь к каждому шороху. Наконец под окнами что-то зашуршало, стукнуло и заскрипело. Харитина дунула на свечку и в темноте раздвинула гардины.
— Яша… ты?
— А кого ты ждёшь?
— Тебя, любчик мой…

Харитина помогла Яше взобраться на подоконник и зажгла лампадку в углу.

Яша, стащив сапоги, мокрые от росы, босой и нервный, притянул к себе Харитину и обнял её.

— Ай, Харитина моя Осиповна, скажи кому, что задолго мы с тобою на постеле полежим…

— Что же, не в последний раз…

— Мабуть, и в последний… Когда ж ещё удастся? Скоро вам в школу, а мне и дальше батрачить. Бычков резать, коней валить… Богато вы живёте, барышня,— озираясь, сказал Яша.

— Что там…— удивлённо вздохнула Харитина.— Другие, что ли, хуже?

— Видали бы вы, как люди живут.

— А что люди? Все живут кто как может, Яша. Я такою родилась, ты другим.

— Лучше бы вы простой девкой родились.

— Чем это лучше?

Яша вздохнул, сел на постель и взял Харитину за обе руки.

— Не было бы тогда нам нужды ховаться. А то стыдно мне.

Харитина села к нему на колени. От Яши пахло табаком, кожей и пóтом. Губы его было холодны, уши тоже.

— Замёрз, Яша?

— Не мёрз я, что ли?..

Харитина вдруг что-то вспомнила. Она вскочила с колен Яши и подбежала к комоду.

Сверху на комоде стоял ларчик. Харитине захотелось рассказать, что Стёпка её пристыдил шпильками и крючками, что негоже ему вмешиваться, попросить у Яши защиты. Но она не смогла.

— Яша, вот я взяла у отца одну вещь для тебя. Дарила я ему в тоем годе, особо заказывала. Но ему она не нужна. Смотри, покрылась цвелью цепочка.

Харитина дала Яше в руку маленький медальон со своим эмалевым портретом. Нажав на маленький круглый изумрудик в оправке из серебра сбоку медальона, издавался тихий треск, и овальная дверца открывалась, показывая портрет. Действительно, сверху драгоценный металл потемнел и почернел, но изображение внутри, написанное маслом, нисколько не испортилось. Смотрела из медальона Харитина Осиповна, как будто живая.

— Задарю тебе на память. Вдруг поеду надолго?.. Долго не увидимся.

Харитина задрожала, глаза её подёрнулись слезами. Яша надел на себя цепку и спрятал медальон на груди, под рубахой.

— Милая моя, ладушка моя, Харитина Осиповна, да разве я смогу тебя отпустить-то?— и Яша, стиснув Харитинину талию, потянул её на кровать, закиданную подушками.

Князь, пока генерал его провожал, все уши прожужжал Павлуше, чтоб он не упускал Харитину Осиповну.

— Вот тебе и невеста. Ничего, что старше тебя, это и хорошо. Марфа Матвеевна тоже меня старше, а ничего. Двадцать лет живём. А что? И вас поженим!

Генерал то краснел, то бледнел, то покрывался пятнами от смущения, слушая князя, но когда князь стал расписывать ум да красоту Харитины, не выдержал.

— Что вы, Валерий Николаевич, как продаёте её? Девица хороша, и то ясно. А остальное Павлуше решать.

— Да, мне решать, батюшка,— сказал Павлуша недовольно.

Проводились, однако, мирно, и князь поклялся, что до конца лета приедет с женою. Приглашал и он генерала, но тот, утомлённый, вяло простился с князем, предчувствуя уже, что скоро придёт тот день, когда нужно будет платить по долгам. А платить нечем.

Как говорят, человек от счастья теряется. Так и Яша потерялся. Возомнил он из себя. Почуял он другую почву под ногами. Посмотрел на себя, подумал, что в силе изменить кое-какой порядок жизни, да махнул через край, не удержавшись.

В Стёпке уже назрело столько горя, что он не мог спокойно смотреть на Яшу. Не спал он две ночи, похудел, потоньшел, как осенняя былка.

Мать с отцом решили, что снова ухватила Стёпку какая холера, но дело было куда страшнее. Вечерами Харитина уже не встречала Стёпку у ворот. Не смеялась ему. Всю её занимал Яша. А Стёпка словно умер. Не было больше радости встреч, не ходили они вместе.

Шушукались уже не только в селе, но и в Лукашах, что Яша какой не промах! Яша всегда не промах был.

Не было такой девки, которая бы не упала на Яшины золочёные русые кудри. Сколько их уже пострадало безвинно… Выбирал же Яша сироток, за которых некому было вступиться. Выбирал молодок незамужних, чтобы никто не мешал ему счастливиться с ними. Как такого Яшу наказать, как его приструнить?

Стёпка кто же против него? Как молодая осинка супротив дуба раскидистого, который впился корнями в почвы до самой подземельной воды.

Стёпка и ругал себя, что недоглядел позор Харитины Осиповны, и клял Яшу так и сяк, а ничего не мог поделать. Так и виделось ему, как голова в красной намитке льнёт к его, Яшиной, русой голове и свиваются руки вокруг его, Яшиной, шеи, коричневой от крепкого сельского загара.

Может, потому что Яша господский сынок, байстрюк, наполовину благородный? Потому и тянет к нему барышню?

Все мечты разом пропали. Рассыпалась вся Стёпкина жизнь.

Понравилось Яше ночевать у Харитины Осиповны. Впервые спал он в мягкой кровати, на чистом белье, а рядом любовалась его спящим лицом благородная барышня. Долго она любовалась, впустив сумеречный свет в полураскрытое окошко. Хотелось Харитине запомнить каждую черту лица Яши, безмятежно спавшего на расшитом батисте. Никогда, может, и не будет больше его слов, что он её никому не отдаст, что люба она ему, что уведёт он её у папеньки и будут они жить сами, тем, что руки наработают, и тем, что Бог пошлёт.

С трудом она отпустила его, а как обутрело, легла спать и забылась сладкими снами, словно они были в продолжение ночи.

Яша, позёвывая и потягиваясь, через сад пошёл в рощу, где был привязан Белоух. Мать навертела ему побольше сала и хлеба, потому что Яша сказал, что поедет надолго, с вечера. Мать не проведёшь, сразу догадалась, что едет Яша до зазнобы.

— Гляди, не то принесут мне в трёх подолах, и что ты делать будешь? — спросила она Яшу, провожая его накануне.

— Авось не принесут, — важничал Яша. — Дело мастера боится.

Мать сморгнула слезу и отпустила его. Так же, со слезами, но с лёгкими, с девичьими, как слепой дождь, проводила его и Харитина.

Яша занял коров, как всегда, поиграл хлыстом у усадебного дома, словно приветствуя барышню, и поехал на пастбище. Стёпка не отставал. Он был серьёзен и не проронил ни слова.

Под ивой развели костёр, наловили лягушек и с десяток нажарили, чтобы заправить кимлю и раколовки. Стёпка молчал. Когда солнце встало над лугом и оводняк начал донимать коров, Стёпка загнал их в Ровец и сам выкупался. Следом собрался и Яша, довольный, но бледный отчего-то.

— Эх, фофан ты, фофан, Стёпка… Не знаешь, чёрт, куда тебе бечь, — сказал Яша, стаскивая со смуглых плеч рубаху. — Я вот отхватил барышню. А ты что? Тумбу Маринку Самоедову, что в дверь не пролазит.

Стёпка отвернулся, чтобы не выдать своего гнева.

— Гляди, какую цацку она мне задарила, глянь только. А там она сама, её образчик. Понял, фофан? Чамар ты голоштанный.

И Яша помотал медальоном на цепке. Стёпка что-то промычал сквозь зубы и прыгнул в воду, чтобы охладиться.

Яша долго тёрся песком, чихал, сморкался. Он был счастлив, как молодой телок. Стёпка смотрел на него с презрением и не хотел вылезать из воды, пока не стал дрожать, замерзая.

Яша выкрутил порты, оделся и побрёл к иве, в тень.

Там он завалился на траву и, достав ломоть хлеба, посыпал его солью.

Стёпка пришёл следом. Ему не давал покоя медальон. Как же она так могла, не думая нисколько, подарить его?

— Теперя всё. Моя она, — сказал Яша, жуя хлеб. — Захочу, хоть на цепочке буду водить её. А цепочка-то уже есть. Разве кто теперь скажет, что она сама на меня не кинулась? Ещё как кинулась. Да, бабьё — оно всё такое, такова порода у них. Поманишь, оно и лезет. Она из тех.

Стёпка смерил взглядом Яшу.

— Не из тех она, — сказал он тихо.

— Из тех, из тех, кто за мужиком в огонь и в воду. Ты не знаешь ещё. А как разнюхаешь их, так сам поймёшь. Я вот думаю, не надо уже так её себе сажать на шею. Обнаглеет, станет цепляться. Любчик, любчик… а я что? И не отпряну, а терпеть придётся.

Стёпка порылся в суме и достал четверть бражки.

— Сегодня Архип придёт, к полдню, а мне надо будет к отцу сгонять. Просила Харитина Осиповна подковать Ледка, а то она часто стала по большаку ездить. Отдай ему бражку. А то он меня не заменит больше.

Яша оживился. Глаза его загорелись.

— Добро. Я посплю, а ты там смотри за стадом.

Доев хлеб с салом, Яша уснул. Стёпка уже понял, что его мысль верна, и, дождавшись, пока придёт Архип, спокойно уехал к отцу.

Пробыв в кузнице около двух часов, Стёпка думал вернуться к закату. Вернувшись, обнаружил Яшу спящим и отпустил Архипа.

— А что он опять спит? — спросил Стёпка Архипа.

— Да бражки наелся по жаре. Я не пил, я ж уже годов семь не пью, в бочине тянет от вина.

Стёпка улыбнулся.

— Ну пущай спит.

Архип надвинул свой вяленый колпак по самые брови, поликовался со Стёпкой, как с родным сыном, и побрёл в усадьбу.

Никому не нравился Яша. Что дальше-то? Спит пьяный. Вот этот рот, открытый, из которого вылетает зловонный дух бражки, целовал его барышню. А ну как она приедет? Сейчас? Стёпка огляделся. Архип ушёл далеко. Стёпка подозвал сбатованного Белоуха. Тот, подпрыгивая, пошёл на зов, радостный и беспокойный от жалящих его бзыков.

Стёпка взял свою пугу в руку, сжал её и снова оглянулся.

— Прости меня, Господи… — сказал он. — Прости, Господи да пресвятая Царица Небесная.

Он накинул волосяной конец пуги на шею спящего Яши и покрепче завязал. Распутав Белоуха, Стёпка запрыгнул на него, обкрутив длинную гибкую рукоять вокруг конской шеи. Со всей силы вдарил Белоуха пятками в бока. Тот на радостях прыгнул галопом и рванул к реке. Он уже знал, что его в это время купают. Потащился и спящий Яша

с петлёй на шее следом за плывущим Белоухом, на самую глубину Ровца.

Оказавшись в воде, в самом глубоком месте, Стёпка отвязал пугу и пустил её на дно, вместе с Яшей, от которого на поверхность поднимались мелкие пузырьки, и один, последний, самый крупный, до ужаса напугал Стёпку, и тот скорее поплыл к берегу. Он боялся окрика, боялся оглянуться и выскочил на берег раньше коня, который, сделав круг над глубиной, поплыл следом за хозяином.

Преданный был конь Белоух, Стёпка его сам объезжал.

Прошло три дня. Одному Стёпке было трудно пасти, и дали ему в помощь Архипа Никандрыча. Со стариком они хорошо ладили и решили от Ровца перегнать стадо на лукашовские поймы. Харитина из дому не выходила, никого ни о чём не спрашивала. Что Яша… ушёл куда-то, а куда? Только после того, как пришла его мать из Лукашей и спрашивала, нет ли его где в селе, Харитина поняла, что не ушёл Яша, а пропал, и впала в такую жестокую тоску, что генералу пришлось везти её в город, в больницу.

После отъезда Харитины слёг генерал с сердцем и долго лежал, а после стали его донимать падучие припадки. Отослал он в столицу Полинушку с деньгами для Харитины, которая писала ему жалостные письма.

Приехала Полинушка весною, и летом на порог Стёпкиного дома подбросили ребёнка. Ребёнок оказался женского полу, и в записке, вложенной в пелёнки, значилось, чтобы назвали девочку Надеждой.

Маринка, Стёпкина жена, ещё не родила и даже не собиралась, потому и пришлось взять козу у соседей, чтобы выпаивать сиротку.

Один только Стёпка догадался, что за дитя подкинули и почему ему, а не кому другому.

Генерал вскоре умер. Харитина Осиповна приехала только на один день, чтобы похоронить отца и забрать материнский ларчик.

Пров Игнатьич и Полинушка остались на хозяйстве. Завещания нигде не нашли, и поэтому, когда приехал князь с расписками, сразу послали за стражником, а после за урядником.

От отцовской могилы сразу уехала Харитина в столицу и бесследно исчезла.

Пров Игнатьич и Полинушка так и остались жить в усадьбе, покуда туда не приехали Павлуша с отцом, и сразу стали они перестраивать дом.

Пришлось вскоре Павлуше, недолго пробыв во Внезапном, отправиться на фронт.

Стёпка вернулся с войны с двумя «Георгиями» и тут же уехал в Петербург. Отгремела уже и Гражданская, как явился он в село народным комиссаром и стал кроваво заводить во Внезапном новые порядки.

Как-то раз поймали четырёхпудового сома и приволокли в совдеп, где председательствовал Степан Варфоломеевич Кулишкин.

— Где поймали? — спросил он, приглаживая редеющие волосы рукой и выходя к ребятам, которые вчетвером тащили сома за постромку.

— На Ровце. Чуть лодку не перевернул, — ответили ему.

— Никак там у него телок в пузе, — сказал Степан.

Взрезали пузо в тенёчке за зданием совдепа, стали сдирать чешую да рубить тушу на куски.

Степан уже ушёл по своим делам, как к нему прибежали ребята и принесли что-то блестящее на листе лопуха.

— Чего это? Цепка какая-то!

Степан поглядел, поглядел и узнал медальон Харитины Осиповны. Бросило его в пот. Молча взял он лопушиный лист и пошёл в кабинет.

— Надо же… бывают же проглоты! — удивлялись ребята-рыбаки. — В мусей бы надо! Это сколько ж он лет лежал на дне? Ещё при Николашке лежал! Всего Николашку вылежал!

Степан вышел из совдепа к рыбакам.

— Не понесём в мусей. Это Надюшке отдам. Там девица какая-то нарисована, больно на неё похожая…

И, выкурив самокрутку на порожке, пошёл обратно работать.